

УДК 81.23 DOI 10.30982/2077-5911-2019-42-4-108-119

ОБ ИНТЕРПРЕТАТИВНОСТИ КАК СПОСОБЕ ВОПЛОЩЕНИЯ СМЫСЛА ТЕКСТА

Пешкова Наталья Петровна,
доктор филологических наук, профессор
заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов
Башкирского государственного университета
450076, Уфа, ул. ЗакиВалиди, 32
peshkovanp@rambler.ru

Настоящая статья посвящена исследованию смысла текста в субстанциональном и процессуальном планах, и как продукта понимания речевого произведения, и как процесса реализации механизмов извлечения содержания и приписывания смысла при восприятии текстовой информации. Предметом теоретико-экспериментального исследования, представленного в статье, выступает интерпретативность текста, проявляющаяся в процессах коммуникации при восприятии и порождении речевого произведения. По мнению автора статьи, интерпретативность является одновременно свойством как оригинального, так и вторичного текстов, отражающим их содержательно-смысловую природу и опосредованным спецификой языкового сознания автора и адресата. Интерпретативность рассматривается также в качестве одного из способов воплощения смысла воспринимаемого текста.

Цель исследования заключается в том, чтобы с помощью метода «встречного текста», с привлечением количественных методов, выявить действие стратегии порождения смыслов как своего рода интерпретации, реализуемой посредством особой отстраненной экзо-лексики во вторичных текстах адресатов, в том числе, в продуцируемых реципиентами «встречных текстах». Под экзо-лексикой здесь понимаются новые по отношению к языку текста-оригинала лексические единицы, не используемые его автором, часто обозначающие более общие понятия относительно содержания исходного текста. В статье проводится сравнительный анализ двух исследований интерпретативности, осуществляемых на базе экспериментальных данных с использованием различных типов текстов.

В результате подтверждается гипотеза об интерпретативности текста как одном из способов воплощения его смысла и инструменте регистрации субстанциональных «следов» речемыслительной деятельности реципиента, направленной на понимание текста. Автор также приходит к выводу о том, что в современных условиях восприятия информации, связанных с информационной избыточностью и с текстовой агрессией, механизмы интерпретации могут запускаться как своеобразные механизмы защиты, охраняющие вербальное сознание адресата от нежелательной, неприемлемой, ненужной информации путем приписывания воспринимаемому тексту своего собственного, особого смысла.

Ключевые слова: смысл текста, интерпретативность, вторичный текст, «встречный текст», стратегия приписывания/извлечения, отстраненная лексика, эндо/экзолексика

Вводные замечания

Тезис о том, что лучшим свидетельством понимания текста служит способность его адресата передать воспринимаемое содержание в какой-либо форме текста вторичного – пересказа «своими словами», реферата, аннотации и т.п. – не является новым. Об этом упоминали многие исследователи проблем понимания [Богин 1986]; [Леонтьев 2005]; [Новиков 1983; 2003; 2007]. Однако, следует отметить, что этот тезис сохраняет свою актуальность для исследований восприятия и понимания различных видов речевых произведений до тех пор, пока сохраняется надежда выявления во вторичном тексте как продукте понимания материальных, или субстанциональных, «следов» речемыслительной деятельности реципиента, направленной на понимание. Благодаря этому разнообразные виды вторичных текстов, продуцируемых в условиях естественной коммуникации и полученных экспериментальным путем, представляют интерес для современных исследователей проблем понимания.

Выявление «следов» ментальной деятельности адресата информации путем лингвистического или психолингвистического эмпирического анализа его вторичного текста зачастую носит субъективный характер, и достижение относительной объективности требует привлечения дополнительных инструментов исследования, в том числе квантитативных методов, широко используемых в русле направления, основы которого были заложены А.И. Новиковым. Однако этого также может быть недостаточно для получения объективной картины, поскольку не все аспекты изучаемой проблемы могут быть «измерены» и вычислены, и многоаспектная природа объекта изучения требует междисциплинарного подхода, предлагаемого направлением, обсуждаемым в настоящей статье.

Так, осуществление общей задачи понимания информации в форме письменного текста предполагает решение адресатом ряда подзадач. В одном случае задача реципиента сводится к формальной передаче содержания исходного текста, изучение которого может осуществляться на формальном уровне посредством метода денотативного анализа с использованием денотатного графа [Новиков 1983]. В другом – адресат стремится проникнуть не только в содержательный пласт структуры текста, но и в смысловой, постигнуть глубинные, имплицитные авторские смыслы, не лежащие на поверхности языковой и содержательной структур текста. Наконец, в третьем случае реципиент может проявлять склонность к порождению собственных смыслов на основе интерпретации прочитанного. Такая задача может решаться им самостоятельно, независимо от условий эксперимента, или же, согласно условиям эксперимента, исследователь ставит перед испытуемыми задачу нахождения и формулирования собственных смыслов, с опорой на представленную в содержании информацию. Во втором и третьем случаях исследование смысловой структуры возможно с помощью метода «встречного текста» в сочетании с квантитативными методами [Новиков 2003].

Для объяснения обозначенных выше процессов предлагается также система специальных стратегий, действующих в каждом из трех случаев, опирающихся на механизмы прямого извлечения информации, косвенного извлечения авторских смыслов и приписывания индивидуальных смыслов прочитанному на основе интерпретации [Новиков 2007].

Процедура анализа с опорой на данные стратегии позволяет проследить изменения в содержательно-смысловой структуре исходного текста, такие как экспликация скрытых отношений между описываемыми предметами, смена их иерархии, появление но-

вых смысловых доминант, происходящие в смысловой структуре вторичных текстов, порождаемых реципиентами.

Изучение особенностей процесса понимания предполагает не просто регистрацию его продуктов на уровне содержания и смысла и измерение их статических характеристик с помощью количественных методов, но и отслеживание реализации механизмов и стратегий с выявлением динамических свойств, присущих исходному и вторичному тексту, отражающих их содержательно-смысловую природу и опосредованных спецификой языкового сознания автора и адресата.

По нашему мнению, именно таким свойством является интерпретативность текста, ставшая предметом научного интереса и изучения в настоящей статье.

Нужно отметить, что проблема интерпретации текста получила освещение и в ряде лингвистических исследований. В этой связи можно вспомнить труды В.З. Демьянкова [Демьянков 1999], Ф. Растье [2001], О.Р. Валуйской [Валуйская 2012].

Для нас особенности интерпретативности как свойства текста связаны, прежде всего, с тем, что проявляется оно только в коммуникации, в процессах восприятия и порождения текста, и изучение его требует специальных экспериментальных методов, позволяющих наблюдать динамику его реализации. Значимость интерпретативности как свойства текста, возникающего при его порождении и восприятии, по нашему представлению, обусловлена тем, что она является одним из способов воплощения смысла как автора, так и адресата. В этой связи для нас она существует в трех ракурсах.

Во-первых, мы разделяем мнение о том, что интерпретативность потенциально присуща, в той или иной степени, практически любому виду текста, предназначенному для восприятия определенной аудиторией (И1). Она обусловлена как жанром продуцируемого текста, так и индивидуальными особенностями его автора. Автор может намеренно направлять аудиторию, заложив возможность интерпретации, например, посредством имплицитности, многозначности, двусмысленности и т.п. Однако зачастую в современных условиях восприятия информации этот процесс становится неуправляемым, что хорошо демонстрирует современная интернет-коммуникация.

Во-вторых, адресат может также, в большей или меньшей степени, проявлять склонность к интерпретации получаемой информации. Иными словами, специфика его языкового сознания проецируется на содержание воспринимаемого текста, реализуется возможность личностной интерпретации этого содержания и порождаются новые субъективные смыслы. О наличии или отсутствии данного качества у испытуемых позволяет судить наша база «встречных текстов» участников экспериментов, создаваемая коллективом исследователей на протяжении последних десяти лет (И2).

В-третьих, интерпретативность в различной степени характеризует вторичный текст адресата как материальный продукт его понимания исходного текста, проявляя зависимость как от И1, так и от И2. Эта интерпретативность (И3) и является предметом нашего исследования. Именно она представляется нам одним из способов субстанционального воплощения смысла исходного текста, приписываемого ему реципиентом в процессе восприятия, или проецируемого сознанием реципиента на содержание, и материализуемого посредством особых языковых средств во вторичном тексте. Ее изучение способствует выявлению тех самых «следов» речемыслительной деятельности реципиента, связанной процессом понимания.

Более того, по нашему мнению, в новых условиях восприятия информации, в том числе в условиях возрастания текстовой агрессии, изучение различных проявлений

интерпретативности, т.е. разных способов воплощения смысла информации – И1, И2, И3, приобретает особый статус как проблема психолингвистического, социолингвистического и социокультурного значения.

Обсуждение результатов двух исследований интерпретативности и смысла текста

В своих последних исследованиях, целью которых было показать экспериментальным путем различия в механизмах формирования содержания и смысла, А.И. Новиков опирался на продукт вторичной текстовой деятельности реципиентов, подвергнутый обработке с использованием количественных методов и затем – качественному анализу.

Задачей первого этапа эксперимента для его участников стало выявление содержания исходного текста, на втором этапе испытуемые занимались поисками смысла прочитанного, отвечая на прямые вопросы: «о чем говорится в тексте?» и «в чем его смысл?», соответственно [Новиков 2007: 86].

Среди основных гипотез исследования мы бы выделили следующие:

- положение о тексте как о единстве содержания, отражающего условно объективную действительность, и смысла, представляющего собой субъективный угол зрения на описываемую в содержании действительность;

- предположение о том, что, хотя вторичные тексты участников эксперимента и не являются непосредственно смыслом, тем не менее, они содержат «следы» интеллектуальной деятельности испытуемых, связанной с осмыслением содержания воспринимаемого текста и с переходом на индивидуальный смысловой код, лежащий в основе порождения их собственных вторичных текстов.

Таким образом, содержание рассматривается как своего рода субстрат, на основе которого может реализовываться смысл, без соотнесения с которым смысла не существует. И одна из главных задач такого подхода к решению проблемы заключается в том, чтобы изучить смысл в субстанциональном и в процессуальном планах.

Напомним, что, в соответствии с обсуждаемой концепцией, вербальная регистрация продукта понимания в ответах испытуемых может осуществляться двумя принципиально разными стратегиями. Первая стратегия используется в процессах понимания для выявления содержания текста, в этом случае для вербальной фиксации продукта своего понимания во вторичном тексте испытуемый использует в основном те же самые лексические средства, которыми пользуется автор в оригинальном тексте. Эта стратегия была названа стратегией «извлечения», а языковые средства ее реализации – «эндо-лексикой» [Новиков 2007: 91]. В процессах нахождения смысла реципиент прибегает к иной стратегии. При продуцировании вторичного текста с ее использованием он воплощает вербальный продукт своего понимания посредством новых лексических единиц, внешних по отношению к языку текста, часто обозначающих более общие понятия по отношению к содержанию исходного текста. Этот процесс характеризуется как «приписывание», «перевод на метаязык», а используемая для выражения смысла лексика называется отстраненной или «экзо-лексикой» [Новиков 2007: 90, 91].

Для количественного анализа и оценки полученных результатов в описываемом эксперименте применялся количественный показатель степени отстраненности лексических средств, используемых участниками эксперимента, относительно лексических единиц исходного текста, иными словами, «коэффициент интерпретативности» [Новиков 2007: 92].

В математическом выражении такой показатель представляет собой отношение количества концептов, содержащихся во вторичном тексте испытуемого, обозначенных отстраненной лексикой, совпавших с такого же рода концептами (концептуальными единицами) исходного текста, обозначенных иными (синонимичными) лексическими средствами, к общему количеству всех концептов вторичного текста испытуемого, передаваемых отстраненной лексикой. Нужно отметить, что здесь действует обратная пропорциональная зависимость. Это значит, что чем больше показатель в численном выражении, тем меньше степень отстраненности, и наоборот.

Для определения данного показателя осуществлялся формальный сравнительный анализ вторичных текстов испытуемых относительно исходного текста на уровне списков их концептуальных единиц. Под концептуальными единицами здесь подразумевалась номинативная лексика, представляющая собой слова и словосочетания, соотносимые с предметами, о которых шла речь в исходном тексте. Списки таких единиц составлялись по каждому тексту, предъявляемому испытуемым для чтения, а также по всем вторичным текстам, продуцируемым испытуемыми с целью передачи содержания и формулирования смысла прочитанного.

Далее, показатель степени отстраненности и коэффициент интерпретативности высчитываются по формуле: количество совпадений концептуальных единиц (КЕ) вторичного и исходного текстов/общее количество всех концептуальных единиц вторичного текста.

Для большей наглядности приведем примеры таблиц с показателями степени отстраненности, или коэффициента интерпретативности, научно-популярного текста о древней Греции по двум сериям эксперимента. Напомним, что в первой серии эксперимента испытуемые решали задачу выявления содержания (см. таблицу 1), а во второй – поиска смысла (см. таблицу 2) [Новиков 2007: 94, 98].

Таблица №1

Степень отстраненности текста № 1 (первая серия)

Испытуемые	1	2	3	4	5	6	7	Среднее значение
Количество совпадений КЕ	1	3	3	3	10	16	8	6.2
Степень отстраненности	0.3	0.4	0.5	0.5	0.8	0.8	0.8	0.6

Отметим, что чем меньше численное выражение показателя, тем больше степень отстраненности, или коэффициент интерпретативности.

Таблица №2

Степень отстраненности текста № 1 (вторая серия)

Испытуемые	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Среднее значение
Степень отстраненности	0.5	0.5	0.2	0.2	0.3	0.4	0.8	0.4	0.3	0.4	0.2	0.38

Анализ приведенных выше данных показывает, что большинство участников эксперимента во второй серии использовали концепты внешние по отношению к понятийной системе исходного текста.

Количественные данные, полученные в обсуждаемом исследовании, демонстрируют, что средние показатели степени отстраненности во второй серии эксперимента, когда испытуемые выполняли задачу формулирования смысла прочитанного, в два раза больше средних показателей степени отстраненности в первой серии, когда в задачу реципиентов входило выявление содержания исходного текста.

Мы можем свидетельствовать, что анализ количественных показателей стал основанием для подтверждения гипотезы о том, что содержание и смысл как продукты понимания являются субстанционально разными образованиями, достигаемыми посредством процессуально различных стратегий и механизмов. Содержание моделирует фрагмент реального (или воображаемого, например, в художественном произведении) мира, описываемого в тексте, оно строится на денотативных (референтных) структурах, отражающих реальную (воображаемую) действительность. Смысл как принадлежность языкового сознания адресата передает его мысли об этой действительности.

Нельзя не напомнить, что, по мнению А.И. Новикова, главное отличие содержания от смысла текста связано, прежде всего, с различиями в способах их проецирования на сферу сознания коммуникантов. Содержание представляется «проекцией текста на сознание» <...> «смысл – обратной проекцией сознания на текст» [Новиков 2007: 112]. При этом не обязательно, чтобы эти два способа проецирования были разделены по времени в процессе восприятия текста, они могут протекать одновременно, хотя в определенных случаях можно допустить такое разделение, что и подтверждают наши эксперименты.

Наибольший интерес для нашего исследования представляет вывод о том, что смысл как проекция языкового сознания реципиента на содержание воспринимаемого текста просто отражает его представления об этой действительности, но является *«интерпретацией* того, что сообщается в тексте» [Новиков 2007: 109] (курсив наш).

Данные обсуждаемых выше исследований А.И. Новикова позволяют увидеть связь между такими показателями, как степень отстраненности и склонность испытуемых к нахождению или приписыванию собственных смыслов содержанию исходного текста, т.е. склонность к интерпретации информации воспринимаемого текста (И2). Мы полагаем, что показатели, полученные на экспериментальном материале вторичных текстов, подводят нас к выводу о конкретных отношениях между интерпретативностью во всех ее ракурсах, обозначенных нами выше – И1, И2, И3, и смыслом как субстанциональным и процессуальным продуктом понимания.

Наши предшествующие исследования [Пешкова 2018], показывают, что надежным инструментом изучения смысла и как продукта понимания, и как процесса реализации его механизмов в динамике, является метод «встречного текста» [Новиков 2003].

Материалы экспериментальной базы, формируемой группой уфимских исследователей с начала 2000-ых на основе текстов различных типов с использованием метода «встречного текста», обеспечивают возможность исследования процессов понимания в русле междисциплинарного подхода, преимущества которого мы обсуждали выше.

Мы полагаем, что само явление «встречного текста», представляющего собой набор языковых реакций реципиента, возникающих в процессе восприятия информации на текстовое сообщение-стимул, можно рассматривать как своего рода субстанцио-

нальную форму интерпретативности (ИЗ). Хотя, строго говоря, не все виды вербальных реакций «встречного текста» передают смысл прочитанного адресатом исходного текста, и, значит, не все они могут считаться формой воплощения интерпретативности.

Начиная исследование, мы предположили, что только смысловые реакции, такие, как *оценка, мнение, перевод, прогнозирование* и т.п., в отличие от содержательных реакций, типа *перефразирования и констатации*, могут служить проявлением интерпретативности, а именно, И2 и И3.

Изучение материала показывает, что при продуцировании «встречного текста» испытуемые реализуют уже известные нам стратегии извлечения содержания и приписывания смысла с использованием известных двух типов лексики. Как и можно было ожидать, в содержательных реакциях, таких как *констатация, генерализация, перефразирование*, преобладает эндо-лексика, представляющая собой средство реализации стратегии извлечения, в смысловых – экзо-лексика, присущая стратегии приписывания.

Анализ данных, количественный и содержательный, дает возможность выявить отношения как равновесия, так и доминирования, существующие между содержательными и смысловыми реакциями. Эта информация, по нашему мнению, позволяет судить о степени интерпретативности в восприятии испытуемых, прежде всего, на основании количественного преобладания того или иного типа реакций.

Мы опираемся на некоторые данные нашей экспериментальной базы исследований, подробно описанных в статье о региональном проекте, осуществляемом в русле уфимского направления школы А.И. Новикова [Пешкова 2018], имеющие отношение к проблемам, обсуждаемым в настоящей статье.

Начнем с научно-популярного текста, данные по изучению восприятия которого могут иметь неоднозначное толкование, на наш взгляд. По материалам И.В. Кирсановой, в общем массиве полученных ею реакций преобладает смысловой тип. Он составляет 56,2%, в то время как на содержательные реакции остается 43,8%. Однако в ядре модели понимания научно-популярного текста смысловые реакции находятся в относительном равновесии с содержательными – от 47% до 50% [Кирсанова 2007: 17].

Иными словами, здесь мы имеем дело с относительно сбалансированными отношениями между содержательными и смысловыми компонентами в структуре «встречного текста» как продукта понимания научно-популярной литературы, а также и с умеренной степенью проявления интерпретативности. При этом нельзя не заметить, что элементы интерпретативности можно обнаружить и в реакциях содержательного типа, таких как *вывод и аргументация*.

Исследуя особенности восприятия научного текста, мы опирались на материалы своего экспериментального материала и на данные, полученные в исследовании [Новиков 2003: 69]. Их сравнительный анализ показал, что на долю смысловых реакций приходится не более 38%. Это свидетельствует о небольшой степени интерпретативности, но не о полном ее отсутствии, как можно было допустить.

В модели понимания художественного текста, также по совокупности показателей, полученных А.И. Новиковым, и наших данных, смысловые реакции преобладают, что, безусловно, вполне ожидаемо. Они могут составлять больше половины, до 57% от всех реакций, но, по нашим экспериментальным сведениям, не более того.

Несколько иную картину дает анализ продукта понимания текстов Библии, относящихся, как известно, к речевым произведениям без жестких смысловых направля-

ющих, или без ограничивающих понимание «опорных точек» [Брудный 1975:115]. Можно было предположить, что большой интерпретационный потенциал подобного текста (И1) должен способствовать процессу максимального развертывания смысловой интерпретации содержания реципиентами и значительной степени интерпретативности (ИЗ).

Однако, материалы нашей экспериментальной базы дают несколько иную, чем ожидалось, картину. По нашим показателям, в структуре «встречных текстов» испытуемых, отражающих результат понимания библейского текста, наблюдается весьма небольшое преобладание смысловых реакций (главным образом, за счет реакций *оценки и мнения*) над содержательными. Средний показатель дает немного более 50% [Давлетова 2012: 13]. Для объяснения такой картины необходимо привлечение социолингвистического анализа, в соответствии с которым мы должны учитывать не только общую тенденцию недостаточного знакомства молодежной аудитории наших испытуемых с библейской культурой, но и социокультурную специфику полиэтнического социума нашего региона.

Проявление значительной степени интерпретативности можно наблюдать во «встречных текстах» как продукте понимания информации из гляцевых журналов. По данным экспериментального исследования восприятия гляцевых текстов вербального и поликодового типов, смысловые реакции здесь преобладают над содержательными и составляют 86% и 87%, соответственно [Моисеева 2017: 19]. Эти показатели, наш взгляд, могут стать материалом для дальнейшего анализа социокультурных ценностей регионального молодежного сообщества.

Изучение особенностей восприятия комментариев пользователей микроблогов, которые мы рассматриваем как «встречные тексты», порождаемые в естественной среде, своего рода форму естественной реакции на информационные интернет-тексты, по количественным и качественным параметрам демонстрирует следующее. Участники интернет-коммуникации проявляют наибольшую склонность к комментированию и интерпретации, о чем свидетельствует самое большое число смысловых реакций, достигающих 92, 6% от общего числа всех реакций [Титлова 2017: 17]. По данным нашей экспериментальной базы, современный интернет-текст характеризуется самой большой степенью интерпретативности (И2, ИЗ).

Таким образом, если количество смысловых реакций, присущих «встречному тексту», соотносить со степенью интерпретативности, можно вычислить коэффициент интерпретативности для текстов различных типов. Он представляет собой отношение количества смысловых реакций к общему количеству реакций, составляющих «встречные тексты» испытуемых, или отношение доли смысловых реакций в процентах к общей доле в процентах смысловых и содержательных реакций в ядре модели понимания конкретного типа текста.

В результате мы получаем следующие показатели степени интерпретативности по разным типам текстов, представленные в Таблице №3.

Таблица №3

Степень интерпретативности текстов различных типов

Тип текста	Количество смысловых реакций в %	Коэффициент интерпретативности
Научный	38%	0,38
Научно-популярный	56,2%	0,56

Художественный	57%	0,57
Библейский	50-55%	0,53
Глянцевый	86-87%	0,87
Интернет-текст	92,6%	0,93

Чем ближе значение коэффициента интерпретативности к единице, тем больше количество смысловых реакций в численном и процентном отношениях, и тем больше степень интерпретативности конкретного типа текста, проявляющаяся в процессе восприятия (ИЗ). И, безусловно, тем сильнее проявляется склонность испытуемых к интерпретации информации того или иного типа речевого произведения, выражающейся в приписывании ему собственных субъективных смыслов (И2).

Как можно видеть из приведенных выше показателей, данные, полученные по «встречным текстам» наших испытуемых, сравнительно с данными по вторичным текстам участников эксперимента А.И. Новикова, достаточно репрезентативны, чтобы позволить нам сделать определенные выводы о степени интерпретативности конкретных типов текстов. Эти данные позволяют также подтвердить нашу гипотезу о том, что интерпретативность как свойство текста, является одним из способов воплощения его смысла в процессах восприятия, субстанциональным и процессуальным инструментом регистрации «следов» речемыслительной деятельности реципиента, направленной на понимание текста.

Выводы

В заключение можно выделить несколько аспектов исследуемой проблемы. Анализ полученных нами экспериментальных данных, прежде всего, позволяет расширить границы применения метода «встречного текста», позволяющего стать инструментом регистрации материального продукта понимания и одновременно наблюдения в динамике механизмов этого процесса на уровне смысла, способом воплощения которого в данном случае служит степень интерпретативности.

Нельзя не отметить здесь еще один важный аспект для исследователей, проявляющих научный интерес к проблемам типологии текста. Как можно было видеть из обсуждения двух исследований продуцирования смысла исходного текста адресатом во вторичных и «встречных» текстах, а также свойства их интерпретативности, показатели степени отстраненности и коэффициентов интерпретативности могут колебаться в определенном диапазоне, быть достаточно близкими и, возможно, совпадать. Мы предположили, что эти колебания связаны с разными типами воспринимаемых текстов, что и подтверждает анализ экспериментального материала. По данным исследования А.И. Новикова, наибольшие расхождения характерны для художественных текстов, наименьшие – для научных и специальных технических текстов. По нашим показателям, приведенным в таблице 3, научный текст имеет более низкий коэффициент интерпретативности по сравнению с художественным текстом, однако, художественные и библейские тексты по величине коэффициента интерпретативности уступают текстам глянцевых журналов и интернет-текстам.

Исследование вторичных текстов на предмет репрезентации в них смысла и содержания позволило сделать предположение о том, что количественное измерение степени отстраненности, схождения и расхождения смысла и содержания, дает новые основания для классификации текстов и для изучения не только принципиаль-

ных различий, существующих между художественными и нехудожественными произведениями, но и общих, универсальных свойств, объединяющих их как произведения речи.

Исследуя «встречные тексты» на предмет воплощения в них смысла и особенностей их интерпретативности, нельзя не увидеть, что тип текста может влиять на преобладание смыслового компонента в продукте понимания или подчинение его содержательному компоненту.

Однако новые данные нашего исследования меняют традиционное представление о доминировании смысловой характеристики, присущем художественным речевым произведениям сравнительно с нехудожественными. Как можно было видеть, самая большая доля смысловых реакций, отражающая самую высокую степень интерпретативности, характеризует восприятие современных нехудожественных интернет-текстов и текстов глянцевого журнала.

Возможным объяснением подобной ситуации, по нашему мнению, могут стать новые условия восприятия информации. В современных условиях восприятия текстовой информации, связанных зачастую с информационной избыточностью и с текстовой агрессией, механизмы интерпретации могут запускаться как своеобразные механизмы защиты, охраняющие вербальное сознание адресата от нежелательной, неприемлемой, ненужной информации путем приписывания воспринимаемому тексту своего собственного, особого смысла. Мы полагаем, что этот аспект интерпретативности во всех ее проявлениях – И1, И2, И3 – имеет перспективы для дальнейших исследований в области лингвистической конфликтологии и социопсихолингвистики.

Литература

- Богин Г.И.* Типология понимания текста. Калинин: КГУ, 1986. 86 с.
- Брудный А.А.* Понимание как философско-психологическая проблема // Вопросы философии. 1975. № 10. С. 109-117.
- Валуцкая О.Р.* Интерпретативность как потенциальное свойство текста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2012. № 2 (16). С. 210-215.
- Давлетова Я.А.* Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 19 с.
- Демьянков В.З.* Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики // Вопросы филологии. 1999. № 2. С.5-13.
- Курсанова И.В.* Многозначность семантики текста как реализация индивидуальных стратегий понимания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 21 с.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М.: Смысл, 2005. 288 с.
- Моисеева А.В.* Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017. 24 с.
- Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 216 с.
- Новиков А.И.* Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64-76.
- Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.

Пешкова Н.П. Проект «Психолингвистика текста. Текст и его смысл: региональные исследования в русле школы А.И. Новикова» // Вопросы психолингвистики. 2018. № 36. С. 168-181.

Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Пер. с франц. Нижн. Новгород: Деком, 2001. 367 с.

Титлова А.С. Микроблог как вид интернет-текста: аспект понимания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2018. 25 с.

INTERPRETIVENESS AS A MEANS OF TEXT SENSE IMPLEMENTATION

Natalia P. Peshkova,

Doctor of Philology, Professor

Head of Foreign Languages Department for Natural Science Faculties

Bashkir State University

32, Zaki Validi Str, Ufa, 450076

peshkovanp@rambler.ru

The present paper is devoted to the investigation of the text sense as the substance and the product of text comprehension and at the same time as the process of implementation of the mechanisms of content extraction and sense attribution in the process of perceiving text information. The subject of the theoretical and experimental investigation is text “interpretiveness” which takes place in the processes of text perception and production. By the author’s opinion text “interpretiveness” is a text property typical to both original and secondary texts representing their content and sense structure and conditioned by specific verbal consciousness of the author and the addressee. Text “interpretiveness” is also considered as a means of implementing the sense of the text perceived by a recipient.

The purpose of the investigation is to reveal the operation of the sense forming strategy as a kind of interpretation materialized by means of special “distant” exo-lexics in addressees’ secondary texts, including “counter-texts” produced by the recipients. Exo-lexics includes some new lexical units compared with the language of the original text, which are not used by the its author, they often mean more general notions as related to the content of the primary text.

A comparative analysis of the two investigations of “interpretiveness” based on the experimental data with the use of different text-types has been carried out. It has been performed by applying the “counter-text” method combined with the quantitative methods of data analysis.

As a result, the hypothesis of the text “interpretiveness” being a means of its sense implementation and an instrument of registration of the material “trails” of recipient’s speech and mental activities aimed at comprehension has been proved. The author also comes to the conclusion that under modern conditions of information perception associated with the information redundancy and text aggression the interpretation mechanisms can start working as specific mechanisms protecting verbal consciousness of the recipient from undesirable, unacceptable, useless information by attributing its own individual sense to the text perceived.

Keywords: text sense, “interpretiveness”, secondary text, “counter-text”, strategy of sense attribution/extraction, “distant” lexics, endo/exo-lexics

References

Bogin G.I. Tipologiya ponimaniya teksta [Typology of text comprehension]. Kalinin: KGY, 1986. 86 s.

Brudnyi A.A. Ponimaniye kak filosofsko-psikhologicheskaya problema [Comprehension as a philosophical and philological problem]. *Voprosy Filosofii* [Journal of Philosophy], 1975, no 10. S. 109-117.

Valuiskaya O.R. Interpretativnost' kak potentsial'noye svoistvo teksta [Interpretiveness as a potential property of the text]. *Vestnik Volgogradskogo universiteta, seria 2, Yazykoznananiye* [Proceedings of the Volgograd University, series 2, Linguistics], 2012, no 2(16). S. 210-215.

Davletova Ya. A. Psikholingvisticheskoye issledovanie osobennosti ponimaniya bibleiskikh tekstov [Psycholinguistic Investigation of Comprehension of the Bible Texts]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2012, 19 s.

Dem'yankov V.Z. Interpretatsiya kak instrument i ob'yekt lingvistiki [Interpretation as an instrument and an object of linguistics]. *Voprosy Filologii* [Journal of Philology], 1999, no 2. S. 5-13.

Kirsanova I.V. Mnogoznachnost' semantiki teksta kak realizatsiya individualnykh strategiy ponimaniya [Multi-meaning of Text Semantics as Implementation of Individual Comprehension Strategies]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2007, 21s.

Leont'yev A.A. Osnovy psikholingvistiki [The basis of psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 2005. 288 s.

Moiseyeva A.V. Issledovaniye psikholingvisticheskikh osobennostey vospriyatiya i ponimaniya teksta glyantzevogo zhurnala [Investigation of Psycholinguistic Peculiarities of Glamour Journal Texts Perception and Comprehension]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2017, 24 s.

Novikov A.I. Semantika teksta i yego formalizatsiya [Text Semantics and its Formalisation]. Moscow: Nauka, 1983. 216 s.

Novikov A.I. Tekst i "kontr-tekst": dve storony protzessa ponimaniya [Text and "counter-text": two aspects of comprehension process]. *Voprosy Psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2003, no 1. S. 64-76.

Novikov A.I. Tekst i yego smyslovyye dominanty [Text and its Sense Dominants]. Edited by N.V. Vasilyeva, N.M. Nesterova and N.P. Peshkova. Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2007. 224 s.

Peshkova N.P. Projekt "Psikholingvistika teksta. Tekst i yego smysl: regional'nyye issledovaniya v rusle shkoly A.I. Novikova" [Project "Text and its sense: (psycholinguistic research in the mainstream of A.I. Novikov's school)"]. *Voprosy Psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2018, no 36. S. 168-181.

Rast'ye F. Interpretiruyush'aya semantika [Interpretive semantics]. N. Novgorod: Dekom, 2001. 367 s.

Titlova A.S. Mikroblog kak vid internet-teksta: aspekt ponimaniya. [Micro-blog as a Type of Internet-Text: Comprehension Aspect]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2018, 25 s.